

STARTALK PROJECT: Choose to Study Russian for Professional Needs

Russian and Journalism

Журналистика. Интервью с журналистом Мэттью Купфером.

Биография: Мэттью Купфер – журналист-расследователь, редактор. Окончил университет Брендайса с отличием по специальностям “Международные отношения и глобальные исследования” и “Антропология”, а затем получил степень магистра в Гарвардском университете. Работал в англоязычных изданиях в России и Украине, в том числе The Moscow Times, Hromadske International, The Odessa Review и The Kyiv Post. Работал редактором новостей газеты The Kyiv Post и редактором по Центральной Азии Центра по исследованию коррупции и организованной преступности (Organized Crime and Corruption Reporting Project, OCCRP). В США работал в газете The San Francisco Standard, где в одной из статей раскрыл инвестиции российских олигархов в стартапы города Сан-Франциско, а также расследовал махинации на кризисном калифорнийском рынке страхования. С 2023 года работает в Русской службе «Голоса Америки».

1. Расскажите, пожалуйста о себе.

Мэттью Купфер (М.К.): Наверное, моя биография не настолько интересна. Я родился в Лос-Анджелесе, вырос в городе Финикс в штате Аризона. Я учился в университете имени Брендайса, Brandeis University на английском, и потом я получил магистра – окончил магистратуру в Гарвардском университете по программе “Регионоведение России, Восточной Европы и Центральной Азии” – так называется.

2. Как вы выбрали специальность журналиста?

М.К.: У меня такая семейная история с журналистикой. Мой отец работал журналистом много лет назад в журнале “Ньюсук”, когда был действительно очень такой солидной, серьёзной публикацией. Я сначала, наверное, не хотел быть журналистом, но когда мне было 20 лет, когда я учился в университете, я одним летом поехал в Кыргызстан, чтобы поработать волонтером в некоммерческой организации. И по, наверное, стечению обстоятельств я оказался в городе Ош на юге страны во время взрыва межэтнического конфликта, скажем так. Очень серьёзная, страшная ситуация. Погибло человек примерно 500. Очень плохая ситуация. Страшно было. Напомним, что это было в 2010 году, тогда у людей на юге Кыргызстана и вообще в Кыргызстане обычно не было дома интернета. И при этом в этих конфликтных ситуациях до появления всего этого 5G, то есть всех этих технологий, интернет вообще не работал. И все это время, когда я находился в Кыргызстане, на юге Кыргызстана во время конфликта, у меня не было стабильного доступа к информации, не было новостей. Когда мне удалось уехать из города Ош и приехать в Бишкек, где, естественно, был стабильный интернет, электричество, новости, телевидение, то я видел, как мировые СМИ освещают эту ситуацию. Американские СМИ, киргизские СМИ, российские СМИ и другие британские. И я понял, что вот

это, конечно, довольно не оригинально это сказать, не оригинальное выражение, журналисты пишут первую версию истории, как говорится, черновик истории. И я понял, что я бы хотел принять участие в этом процессе.

3. Была ли история в вашей жизни, когда знание русского языка сыграло важную роль?

М.К.: Лучше я просто расскажу про ситуацию в Кыргызстане, потому что это наиболее яркий момент. Потому что, естественно, когда работаешь журналистом в Москве, в Киеве или освещашь темы, связанные с Россией, с Украиной, то русский язык пригодится. То есть, когда я был в Кыргызстане, когда разразился этот конфликт на юге Кыргызстана, и киргизы, и узбеки убивали друг друга, пострадали в этом конфликте больше всего узбеки, они составляли большинство погибших в так называемых июньских событиях 2010 года. И я в тот момент жил в узбекской семье в довольно центральном районе города Ош, где в основном живут узбеки. И поэтому ситуация там была очень острая, страшная, ходили слухи, что вот какие-то мародеры приезжают в наш район. Были моменты, когда мы слышали очереди, автоматные очереди, выстрелы. Очень страшно всё было. Ну то есть дым поднимался из города, из разных районов. И в этот момент, хотя не было так много информации о происходящем, всё равно знание русского языка очень сильно пригодилось, потому что это было моим единственным способом общаться с другими, получать какую-нибудь базовую информацию о происходящем, понимать окружающую ситуацию и даже, мне кажется, даже были моменты, когда нужно было знать, например, сленг и жаргонные выражения.

4. Как знание русского языка помогает вам в работе?

М.К.: С недавнего времени я работаю в "Голосе Америки" в русской службе, я журналист-расследователь. То есть моя задача не только проводить интервью и писать статьи, но и также расследовать, возможно, коррупцию, преступность и такие темы как, например, дезинформацию, опровергать фейки, много разных вариантов. И то есть каждый день я говорю на русском, пишу часто на русском. Могу, например, провести интервью на русском в зависимости, естественно, от языка человека, которого я хочу интервьюировать. Это просто базовая часть окружающей рабочей среды.

5. Почему журналистские расследования важны для общества? Приведите пример.

М.К.: До ноября я работал в "Сан-Франциско Стандарт" – это новостной сайт, который освещает новости и события в городе Сан-Франциско и который делает довольно большую ставку на... который работает в интересах общества, скажем так, то есть в общественном интересе, если можно так сказать. И там мы с коллегой провели очень, по-моему, серьёзное расследование, особенно для такой маленькой команды. Мы установили, что российский олигарх Сулейман Керимов, человек, приближенный к Путину, инвестировал двадцать восемь миллионов долларов в разные компании и объекты недвижимости в городе Сан-Франциско. Самый, наверное, интересный момент в этом расследовании заключается в том, что он вложил пять миллионов долларов в покупку бывшей католической церкви в Сан-Франциско. Это церковь, куда раньше ходило обычно латиноамериканское население города. В определенный момент не было прихожан, и церковь просто перестала работать, и здание было почти пустым. И вдруг появился инвестор и айтишник, бизнесмен, который хотел превратить это место в технологический храм. То есть вот идея необычная, и он привлек для этого инвестиции от Сулеймана Керимова. И, в конце концов, технологический храм оказался неуспешным, по-моему, это не так удивительно, потому что даже в таком городе, как Сан-Франциско, где очень много внимания уделяется технологии и IT бизнесу, все равно технологический храм – это странная идея, скажем так. То есть, по сути, Сулейман Керимов, наверное, потерял как минимум часть этих денег и поссорился с другим инвестором, и информации об их сотрудничестве, скажем так, об

инвестициях попала в судебные дела, потому что судебные споры. И в этих судебных спорах мы узнали об этой ситуации, и решили её расследовать. Оказывается, что город или, скорее всего, политик, один из местных политиков Сан-Франциско, хотел превратить эту церковь в приют для бездомных. В Сан-Франциско огромная проблема с бездомными, с бездомностью, с наркоманией. И вдруг пришли эти инвесторы, они купили здание, и не было приюта для бездомных. То есть вот мы видим прямое влияние инвестиций или прямой эффект инвестиций российского олигарха на общество, где находится объект инвестиций.

6. Как новые технологии и искусственный интеллект могут изменить журналистику?

М.К.: Это очень сложный вопрос, и я бы сказал, что мы просто не знаем. Могу сказать, что искусственный интеллект уже влияет на нашу работу, просто проявляется в этих сферах и в узких нишах журналистики, где мы обычно не понимаем, что это искусственный интеллект. То есть на сегодняшний день уже есть такая технология: автоматическая транскрипция интервью, например, звукозаписи. Это, насколько я понимаю, эта технология базируется на искусственном интеллекте, то есть это функция искусственного интеллекта. Я бы не знал, что это искусственный интеллект, потому что часто, когда мы говорим об искусственном интеллекте, мы имеем в виду генеративный искусственный интеллект. И это немножко, что-то немножко другое: это ChatGPT, это Midjourney – то есть все эти приложения или программы, которые создают разные картины и изображения. Это очень, не боюсь сказать, крутая, интересная технология, но пока я не вижу так много применения в журналистике. Во-первых, эти приложения пишут хорошо, но они не могут интервьюировать человека, они часто не могут отличать факт от фейка или от лжи. Пока не вижу, как мы можем доверять написание статьи профессиональному интеллекту для публикации. Конечно, я часто прошу (искусственный интеллект) написать текст на какую-то тему ради интереса или обычно ради смеха. И это весело и приятно и действительно впечатляет. Но вот использовать эту технологию на работе я пока не могу, пока я бы боялся. И, может быть, я просто приведу здесь такой интересный пример рисков применения искусственного интеллекта в креативных целях, скажем так.

Ну, я уверен, что вы знаете, наверное, зрители тоже знают сериал *Seinfeld* – очень хороший американский сериал из 90-х. Какие-то айтишники решили создать пародию на *Seinfeld* на основе искусственного интеллекта, на основе программы ChatGPT. То есть они создали цифровые, скажем так, персонажи, фоны или разные 3D изображения в гостиной главного персонажа, театра и, наверное, гостиной другого персонажа. И решили, что ChatGPT будет постоянно писать сценарии для сериала, и сериал будет показываться по интернету круглосуточно, без конца, без остановки. Сериал был, скажем, не очень смешным, иногда очень странным. Иногда были смешные моменты, потому что обычно они были абсурдными, потому что, естественно, за этими сценариями стоит не человек, а компьютер. Вот я интервьюировал этих айтишников, и они утверждали, что да, это начало нового поколения так называемых генеративных медиа, и будут сериалы, фильмы, видео, где сценарии написаны искусственным интеллектом. И, естественно, в будущем эта технология будет всё сильнее и сильнее. То есть я опубликовал статью на эту тему, а спустя, наверное, день или два дня им пришлось снять пародию на *Seinfeld* с сайта, где она размещалась. Почему? Потому что главный персонаж начал рассказывать гомофобские анекдоты и шутки. И как это случилось? Программа ChatGPT очень подцензурная в целом, то если вот год назад можно было.

Вот, например, очень хороший пример. Какой-то пользователь Твиттера решил попросить ChatGPT написать авторскую колонку в стиле канадского психолога и философа консервативного толка Джордана Петерсона о том, как для личностного роста обязательно нужно засунуть живую ласку себе в штаны. То есть вот абсурдная, юмористическая тема. И программа ChatGPT написала прекрасные смешной текст на эту тему,

и действительно, текст напоминал стиль Джордана Питерсона. Позже в компании OpenAI, которой принадлежит ChatGPT, ввели какие-то ограничения, ввели цензуру, грубо говоря. И я решил попробовать дать ChatGPT такое же указание: написать подобный текст в стиле Питерсона о ласке и личностном росте. И в этот раз я получил не самый ожидаемый, но все равно для меня неожиданный ответ: "Я не могу написать этот текст, потому что подобные действия могут быть опасными как для ласки, так и для человека." То есть ChatGPT потерял или лишился возможности отличать юмор от серьёзных идей и текстов, то есть креативности стало меньше там. Я вот думаю, это очень ограниченная платформа в этом плане. При этом платформе удалось стать гомофобом, видимо, когда она писала сценарий для пародии на Seinfeld. Ну, то есть, видимо, мы не можем доверять свободный разговор с людьми, искусенному интеллекту, как минимум мы пока не можем доверять такие разговоры искусственному интеллекту. Может быть, в будущем всё изменится, всё будет намного лучше и эффективнее. Но я... у меня сомнения, я скептично отношусь к профессиональному интеллекту.

7. Какие важные изменения происходят с журналистикой сегодня?

М.К.: С момента появления интернета и онлайн прессы, с момента, когда люди начали читать новости в Интернете, всё стало намного хуже для журналистики, потому что исчезают газеты, а люди не подписываются на газеты, то есть вот не платят за журналистку. Есть пэйволы, есть обход пэйвала. В экономическом плане журналистика находится, по-моему, в печальном состоянии. Это ставит под сомнение будущее профессии.

С другой стороны, мне кажется, без журналистики условия жизни в мире будут хуже, потому что будет меньше доступа к информации. Но я думаю, скорее всего, проблема в том, что, я боюсь, мы окажемся в ситуации, где, по сути, существует монополия на эту информацию. Будут несколько влиятельных и очень богатых публикаций телеканалов, вебсайтов и остальное. Но это будут какие-то блогеры, которые работают либо без зарплаты, либо работают ради того, чтобы получить зарплату, исключительно ради дохода. Ну, конечно, не все эти блогеры плохие. Мы знаем, что есть Substack, где люди создают свою собственную страницу и пишут свои статьи. И другие люди, читатели, могут подписываться на них и платить за эти публикации каким-то образом. Но есть хорошие Substack, но в целом тенденция, я бы сказал, негативная. И я бы хотел добавить, что мы даже... мы наблюдаем за появлением новых способов передачи информации и формирования общественного мнения. То есть TikTok – это что-то новое, может быть, не новое для подростков, но для меня это новое. TikTok работает каким-то, наверное, очень странным способом, ну, нет, не странным способом, просто я плохо разбираюсь в TikTok, я понимаю, что это главная платформа для распространения информации не только в основном не о новостях, но иногда о новостях и событиях в мире особенно между молодыми людьми. То есть появилась эта платформа совсем недавно: в США, наверное, в 2018 году, если я правильно помню, то есть работает уже, может быть, шесть лет. И уже в значительной степени TikTok изменил распространение информации в США, как минимум, и в других странах тоже, просто мне трудно сказать, в какой степени. Ну, вот то есть наш медиа фон, наша медиа среда меняется очень быстро, молниеносно всё меняется. Очень трудно представить себе, как будет выглядеть будущее.

8. Что вам помогло так хорошо выучить русский язык?

М.К.: Есть несколько разных способов, подходов. Во-первых, был такой преподаватель русского языка Борис Шехтман, может быть, вы слышали это имя. Он преподавал русский язык часто дипломатам, журналистам, и у него была такая методика – когда я начал учить русский язык, я об этой методике не знал,

но, скорее всего, я её соблюдал даже без признания её существования – а это называется по-английски *islands of fluency*, наверное, по-русски “острова владения языком в совершенстве”. То есть смысл в том, что нужно найти эти “острова” информации, где можешь свободно выражаться и разговаривать не то, чтобы без акцента или как носитель, но свободно, чтобы носитель мог бы слушать речь и отвечать, и общаться действительно. И это значит, что если интересуешься политикой – то о политике, если работаешь врачом – то о медицине, а если единственный интерес это сельское хозяйство, то, дай бог, о сельском хозяйстве. И я считаю, что это очень важно, нужно, нужно найти эти темы, создать для себя определенный словарный запас, связанный с этими темами, и разговаривать об этом с людьми, читать об этом, искать информацию на русском языке об этом, то есть это очень важно. И это значит, что надо постоянно думать про себя, думать, как бы я сказал это или это, как бы я выразил или описал эту ситуацию, какие глаголы мне нужны в этой ситуации.

Когда я учился в Brandeis University и учил русский язык очень активно, я... сначала этой технологии у меня не было, то есть у меня не было смартфона, я просто постоянно проверял разные слова в Google переводе или в разных онлайн словарях или даже в физическом словаре, при помощи этой древней технологии, скажем так. А позже, когда у меня появился смартфон – я уверен, на сегодняшний день почти у всех студентов есть смартфон – у меня постоянно была открытая папка с Викисловарём, чтобы проверять, чтобы постоянно иметь возможность проверять спряжения глаголов. И каждый раз, когда я сталкивался с ситуацией, где не знал, как её описать на русском языке, то я проверял каждый раз. Ну, может быть, не без исключения, то есть не то, что меня за мой подход нельзя никак критиковать – нет, я уверен, в моём подходе были недостатки какие-то или я пропустил какие-то важные моменты в изучении языка. Я уверен, что я ошибался время от времени, но в целом это всё сработало, мне кажется.

9. По-вашему, насколько важно для успешного общения знать не только язык, но и культуру?

М.К.: Хороший вопрос. И, конечно, наверное, на всех уроках иностранных языков всегда подчеркивают важность знания культуры. Я бы сказал, может быть, к счастью, не во всех ситуациях, но в этой конкретной ситуации, в этом конкретном примере, культуры на сегодняшний день сближаются. То есть, есть, конечно, различия, нужно знать культуру, но, скажем так, моё общение с ровесником в Украине, в России, даже в Кыргызстане отличается довольно сильно от моего общения с пожилым человеком из любой из этих стран, потому что мы с ровесниками находимся в одной в каком-то смысле мировой культуре: мы все пользуемся интернетом, мы все знаем какие-то не все, но какие-то общие фильмы, сериалы, книги. Юмор теперь становится общим.

Я не думаю, что нужно быть экспертом по литературе или по поэзии, потому что среднестатистический человек не читает так много художественной, особенно исторической художественной литературы и поэзии. Не обязательно нужно любить сериалы какие-то или фильмы. Мне кажется, самое важное – это знать какие-то правила общественного поведения. Очень важно понимать, наверное, различия в культуре, которые касаются межличностных отношений, иногда вот этих очень острых, тонких политических тем. Например, к сожалению, о гендере и сексуальности часто бывают очень сложные, острые темы. И, например, мы, американцы, часто хотим отстаивать права всех во всех ситуациях, но иногда очень сложно, потому что сталкиваемся просто с другим мировоззрением, с которым мы не можем согласиться. Мне кажется, самое главное – это быть открытым к познанию культуры, познанию обычаяев, познанию правил общественного поведения, подходов к межличностным отношениям, наверное. Это всё, что я могу сказать на эту тему.

10. По-вашему, какое слово можно назвать “словом года” в журналистике в 2023 году?

М.К.: Я бы сказал в любом случае, что слово года – это AI, искусственный интеллект, но, скорее всего, AI, то есть сокращение. Потому что человек, который говорит “искусственный интеллект” или Artificial Intelligence на английском, как-то что-то об этом знает, что-то конкретно интересуется этим, знает больше среднего об этой теме. А вот AI – это просто в этот момент лозунг почти. Я даже нашел случаи, когда компания называется что-то AI, но на самом деле это не искусственный интеллект, это просто бренд. AI – там в нём много обещания о будущем, в нём много мифов, много надежд, много опасений. Там есть всё. Это целое, как-будто целое измерение, целый космос, наверное, внутри концепции искусственного интеллекта. И даже мы не знаем, мы не до конца понимаем, чего ожидать от искусственного интеллекта. То есть, без сомнения, слово года – это AI на 100%.

Блицопрос

- **Книги или кино?**

М.К.: Книги!

- **Какая ваша любимая книга на русском языке?**

М.К.: Роман “Пятеро” Владимира Жаботинского – это роман о печальной судьбе пятерых детей одной еврейской семьи в городе Одесса в начале 20 века на фоне судьбоносных событий революции 1905 года. Жаботинский человек очень на сегодняшний день спорный. Он считается предком политической партии “Ликуд” в Израиле. Часто, мне кажется, на Западе, в Америке его часто понимают путем стереотипов, скорее всего, о сегодняшней политической партии и её идеологии. На самом деле он очень интересная историческая личность, журналист, писатель, идеолог, идеолог сионизма-ревизионизма... хулиган. Много интересного в нём. И роман просто прекрасный. Я не могу, не могу перестать его хвалить, вообще, то есть любимый роман почти на любом языке, я бы сказал.

- **Три совета молодым журналистам**

М.К.: Первый совет, я бы сказал: подумайте хорошо, хотите ли вы действительно стать журналистом, потому что это не самый простой путь. Это интересно, но сложно и есть... ну, люди часто думают о глянцевой журналистке: иностранный корреспондент телеканала CNN или автор колонок в газете “Нью-Йорк Таймс”. На самом деле есть очень много неглянцевой журналистки, неглянцевых рабочих мест. То есть это, во-первых. Второй совет: подумайте о том, что из вашей жизни вы готовы принести в жертву в храме журналистики, потому что иногда невозможно одновременно иметь хорошую зарплату, интересную работу, жену и мужа или партнера, семью, дом – много сложностей в этой профессии. Много. То есть путь к успеху в журналистке не прямой вообще. Нужно действительно подумать о выборе профессии. Третье, третий совет очень, мне кажется, очень банальный: нужно всегда оставаться честным и действовать в соответствии со своей этикой, с журналистской этикой, но и также со своей личной этикой. Потому что на самом деле, чтобы заработать в мире журналистки, есть немало способов, и не все они честные. И иногда они могут быть даже опасны, разрушительны для общества и для самого человека.

- **Кто вас вдохновляет в вашей работе?**

М.К.: Трудно сказать. Я когда-то, поскольку я долгое время был редактором и работал с журналистами из России, из Украины, из Центральной Азии и с Кавказа, то я знаю, я видел очень много талантливых людей. Наверное, приведу вот лишь один пример. Я определённое время сотрудничал с журналистами из Туркменистана. Как вы знаете, Туркменистан одна из наименее свободных стран в мире, там вообще нет свободной прессы. И журналисты из Туркменистана, которые не являются пропагандистами режима, не могут работать в стране, поэтому они все живут в изгнании. Это, к сожалению, уже стандартная ситуация для журналистов на так называемом постсоветском пространстве. Я видел, как эти ребята, журналисты-расследователи из Туркменистана находят просто дичайшую информацию о своей стране, находясь за её пределами и используя всевозможные странные, необычные, неожиданные ресурсы и подходы. Я видел, как они работают. Это супер круто – иными словами, просто невозможно выразить своё отношение к этому: это прекрасно, круто, впечатляюще. Они меня вдохновляют, потому что просто... делать такие расследования в таких серьёзных, стрёмных условиях – это прекрасно.

- **Как будет выглядеть журналистика через 5 лет?**

М.К.: Никто не знает, никто не знает. Но я уже рассказал, что я не думаю, что искусственный интеллект заменит нас всех. То есть, может быть, через пять лет искусственный интеллект будет писать эти вот очень базовые новости о неспорных событиях на местном уровне или, например, о результатах футбольного матча – всё возможно, всё возможно, но вот я не знаю, мне трудно сказать. Я думаю, что журналистика будет, потому что мы уже 20 лет, наверное, существуем с интернетом и с новыми видами передачи и распространения информации. То есть я думаю, что мы были и мы есть, и мы будем. А вот нас будет много? – я не знаю. И мы все будем профессионалы? – не знаю. И качество журналистики останется высоким? – не уверен, надеюсь. Я думаю, что нас не заменить машинами, поэтому, наверное, мы будем.

Январь 2024

© Choose to Study Russian for Professional Needs
Contact us: professional.russian@gmail.com

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-NonCommercial 4.0 International License